К. В. Трубниковъ.

ПЕЧАТЬ,

какъ власть настоящаго

надъ будущимъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1899.

Въ каждомъ государствѣ существуетъ послѣдовательно развивающаяся духовная сила или историческая сила духа. Всегда въ духовныхъ тенденціяхъ есть опредѣленное частное направленіе, которое въ печати является преобладающимъ и вліяетъ такъ, что остальныя направленія отступаютъ на задній планъ. Въ настоящемъ очеркѣ эпохъ исторіи русской печати имѣлось въ виду указать на эти преобладавшія въ ней частыя направленія въ теченіе нынѣшняго столѣтія и на моменты смѣны тенденцій или господствующихъ въ печати идей, въ которыхъ жизненно соединялись въ разныя эпохи, при извѣстныхъ цензурныхъ условіяхъ, элементы религіознаго, нравственнаго, умственнаго и экономическаго свойства.

Исторія цензуры въ Россіи начинается съ 1681 г., когда она была введена для лубочныхъ картинъ. Въ 1721 году установлена предварительная цензура для духовныхъ сочиненій. Затѣмъ цензурное вѣдѣніе безъ всякой регламентаціи находилось въ Академіи Наукъ. *Свобода мысли, право каждому заводить типографіи и печатать книги* съ содержаніемъ, непротивнымъ

православію, правительству и доброй нравственности, даны были Екатериною II, которая руководилась идеею государственной опеки. Въ это время большое вліяніе на умы имѣлъ Руссо. Онъ долженъ былъ казаться Екатеринѣ, въ концѣ ея царствованія, опаснѣйшимъ проповѣдникомъ анархіи. Она запретила продажу книги его „Эмиль“, проникнутой безвѣріемъ и революціонными началами. Про Руссо Наполеонъ сказалъ: „если-бы его не было, не было-бы и революціи“.

Реакціонное направленіе начинается при Императорѣ Павлѣ I и достигаетъ своего апогея; учреждается цензура иностранныхъ книгъ, и не только книги, но и ноты были подвергнуты цензурѣ.

При Императорѣ Александрѣ I смягчающимъ элементомъ этому крайнему реакціонному направленію послужилъ изданный въ 1804 г. цензурный уставъ, въ которомъ говорилось: *„скромное и благоразумное изслѣдованіе вѣры и управленія государства* не только не подлежитъ и самой умѣренной цензурѣ, но *пользуется совершенною свободою, возвышая успѣхи просвѣщенія“*. Александръ I открываетъ публичную библіотеку. Увлеченія подъ конецъ царствованія французскими революціонными идеями, чуждыми дѣйствительной русской народной жизни, ея интересовъ, ея настроенія, но проникщими въ высшіе классы тогдашняго общества, привели публичную мысль въ поискахъ политическаго идеала къ кризису, который выразился въ бунтѣ декабристовъ, выросшихъ на революціонной западной литературѣ.

Императоръ Николай I, руководясь во всѣхъ своихъ преобразованіяхъ идеею государственной опеки, из-

далъ цензурный уставъ 1828 г., который дѣйствовалъ до 1865 г., слѣдовательно 35 лѣтъ. Внутреннее развитіе въ это царствованіе общественнаго идеала перешло въ форму эстетическую съ выступленіемъ великихъ поэтовъ, расширившихъ сферу духовной жизни русской личности и открывшихъ ему эстетическую красу міра. Романисты выступили за поискомъ нравственнаго идеала, а публицисты раздѣлились на два лагеря западниковъ и славянофиловъ, но ни тѣ, ни другіе не дали этого идеала. Въ это время Павловъ и Одоевскій начали пропагандировать натурфилософское ученіе Шеллинга съ большимъ вліяніемъ на общество, а съ 1835 г. Станкевичъ, Бакунинъ и Бѣлинскій знакомили съ философіею Гегеля, которая многихъ отрывала отъ христіанскаго образа мыслей. Затѣмъ было переведено на русскій языкъ сочиненіе дерзкаго безбожника Штрауса. Въ началѣ 40-хъ годовъ распространяется переводъ матеріалистической философіи Фейербаха, сдѣланный Герценомъ въ Лондонѣ. Въ это время нѣсколько видныхъ государственныхъ дѣятелей явились тогда у насъ изъ людей, воспитанныхъ іезуитами.

Въ 1848 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи, подъ предсѣдательствомъ князя Меньшикова, комитета, которому поручено было: *„разсмотрѣть, правильно-ли дѣйствуетъ цензура, и издаваемые журналы соблюдаютъ-ли данныя программы“?* Въ резолюціи, послѣдовавшей на всеподданнѣйшемъ докладѣ, между прочимъ, сказано, что „журналы допускали въ статьяхъ своихъ мысли въ высшей сте-

пени преступныя, могущія поселить и въ нашемъ отечествѣ правила коммунизма, неуваженіе къ вѣковымъ священнымъ обязанностямъ и даже къ религіи, повредить народной нравственности и вообще приготовить у насъ тѣ пагубныя событія, которыми были потрясены западныя государства". Вслѣдъ за симъ наступило время самыхъ стѣснительныхъ мѣръ въ области печати, которая вслѣдствіе того должна была пережить новый кризисъ.

Въ 1851 году Гоголь писалъ: „Дѣйствія цензуры до того загадочны, что поневолѣ начнешь предполагать ее въ какомъ-то заговорѣ противъ тѣхъ-же положеній и того самаго направленія, которое она, будто бы (по ея словамъ), признаетъ". Тогдашній ректоръ С.-Петербургскаго университета Плетневъ утверждалъ, что „цензура ничего не пропустила въ печати изъ новыхъ сочиненій Жуковскаго, хотя каждая строчка его дышетъ религіозностью и вдохновеніемъ". Предсѣдатель Московскаго и потомъ Петербургскаго цензурнаго комитетовъ, князь Щербатовъ говорилъ ему—ректору Плетневу: „никакого нѣтъ сравненія между нашими цензорами и Московскими; послѣдніе, хотя и строги, но понимаютъ, чѣмъ занимаются, а здѣшніе просто идіоты".

Таковы результаты примѣненія въ крайне реакціонномъ духѣ дѣйствовавшихъ тогда законовъ о печати, продолжавшагося въ смягченномъ видѣ и въ первые годы царствованія Императора Александра II. Тогда началась популяризація переведенныхъ на русскій языкъ лжеученій Молешотта, не говоря уже о „Полярной Звѣздѣ" и „Колоколѣ" Герцена. Затѣмъ

слѣдуетъ дѣятельная пропаганда соціалистическихъ ученій Сенъ-Симона и позитивной философіи Ог. Конта—этого, такъ называемаго, „остроумнаго іезуита“. Подъ ихъ вліяніемъ складывалось міросозерцаніе Герцена, который господствовалъ тогда надъ умами молодого поколѣнія. Жизнь и ученіе О. Конта, прославились въ Германіи, благодаря іезуиту Герману Груберу. Основатель позитивизма О. Контъ, отпавъ отъ христіанства, былъ глубоко убѣжденъ въ своемъ призваніи великаго первосвященника. Имъ установленъ особенный публичный культъ, въ которомъ обоготворяется человѣчество въ видѣ коллективнаго существа (Grand Etre). Онъ училъ несопротивляться злу, какъ учитъ нынѣ гр. Л. Толстой. Одностороннее изученіе позитивныхъ наукъ вызвало усиленное развитіе въ обществѣ порочнаго матеріализма. Популяризація ученій О. Конта происходила въ журналахъ: „Современникъ“, „Русское Слово“, „Отечественныя записки“ и „Знаніе“. Въ это время выступаетъ Бюхнеръ съ его „Силой и матеріей“.

Въ 60-хъ годахъ шла пропаганда утилитаризма Милля, Бентама, нерѣдко въ статьяхъ самой грубой морали. Утилитаризмъ—это эгоизмъ, который, будто бы, долженъ былъ итти впередъ, какъ условіе всеобщаго благоденствія. Популяризаторами всѣхъ этихъ лжеученій были: Чернышевскій, Писаревъ и Суворинъ—создатели нигилизма въ Россіи. Въ это время продолжалась вербовка іезуитами легкомысленныхъ публицистовъ и чиновниковъ въ духовное подданство государю-папѣ, продолжавшееся вплоть до польскаго возстанія 1862—1863 гг.

Чрезмѣрная въ то время разработка точныхъ и естественныхъ наукъ увлекали публицистовъ и писателей въ область матеріи; въ силахъ матеріи они стали искать объясненій всего существующаго и постепенно пріучились не придавать никакого значенія тому, что находится внѣ ихъ. Вмѣсто того, чтобы возвыситься надъ природою и человѣчествомъ, позитивисты и матеріалисты думали найти это начало въ нихъ самихъ. Тайный союзъ корифеевъ этихъ системъ безсознательно порабощалъ массу современниковъ подъ знамена нигилизма.

Господствовавшія тогда экономическія системы исходили изъ утилитарнаго принципа: каждый для себя и за себя. Laissez faire есть тоже, что руки одного на всѣхъ и руки всѣхъ на одного; торжествуютъ хитрость, обманъ, наглость, безстыдство, озлобленіе, всеобщая борьба и нигдѣ покоя, справедливости и любви. Популяризація этихъ ученій производила сильное броженіе въ умахъ и въ жизни. Тогда-же двигатели нигилизма устроили свои главные пункты въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ концѣ концовъ возникшая тогда у насъ политическая печать ложнаго и радикальнаго либерализма, захвативъ въ свои руки самые распространенные органы періодической печати, становится на сторону польскихъ мятежниковъ. Далѣе итти съ такою одностороннею политическою печатью было невозможно. Это была одна изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ смягченію цензурныхъ стѣсненій; но было и желаніе этимъ путемъ пресѣчь тайное печатаніе и распространеніе листковъ, получившихъ

названіе прокламацій, равно достигнуть пресѣченія продажи запрещенныхъ иностранныхъ сочиненій и русскихъ, напечатанныхъ заграницею. Являются временныя правила о цензурѣ и печати, отъ 6-го Апрѣля 1865 г., на основаніи которыхъ серьезная печать получаетъ извѣстную свободу въ формѣ „научнаго изслѣдованія", а періодическая печать освобождается въ двухъ столицахъ отъ предварительной цензуры, съ цѣлью *„дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства"*, и начала тогда-же пользоваться существенною прерогативою, заключающеюся въ правѣ *„разсуждать о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи"* безъ ограниченій постановленныхъ для изданій, выходящихъ съ разрѣшенія предварительной цензуры. Освобожденіе отъ предварительной цензуры вызвало острую борьбу между западниками и славянофилами. Съ послѣднихъ нельзя было снять отвѣтственности за многія увлеченія и крайности, а западники, платонически любя западную культуру, не выработали себѣ ни убѣжденій, ни нравственнаго характера.

Послѣ западно-славянскаго момента, наступилъ моментъ реалистическій, недающій ни какого духовнаго содержанія и выражающійся въ 2-хъ формахъ: либеральномъ реализмѣ (соціализмъ) и консервативномъ реализмѣ (позитивизмъ). *Религіозный* идеалъ былъ такимъ путемъ подорванъ въ самомъ корнѣ. Соціализмъ пользуется общею культурною расшатанностью, отсутствіемъ культурнаго идеала, а позитивизмъ нравился своимъ смѣлымъ отрицаніемъ религіозныхъ и

нравственныхъ идей, примиряя, такъ сказать, русскаго человѣка съ нимъ самимъ, успокоивая червячка его совѣсти. На такой зыбкой почвѣ духовныхъ тенденцій въ печати подготовлялась крамола, порождавшая у насъ всякаго рода демагоговъ, радикаловъ, атеистовъ и террористовъ. Въ то-же время возникаетъ и могучая сила свободно сознательнаго консерватизма „Московскихъ Вѣдомостей", издававшихся подъ редакціею М. Н. Каткова. Въ одномъ изъ „правительственныхъ сообщеній того времени сказано было, между прочимъ, слѣдующее: „значительная часть участниковъ въ политическихъ процессахъ, сознаваясь чистосердечно и нѣкоторые выражая раскаяніе, высказывали, что они были вовлечены въ соціализмъ и противоправительственныя стремленія, *кромѣ ослабленія вообще наблюдательной власти,* тѣми органами нашей литературы, которые *систетамически распространяли всевозможныя разрушительныя начала*".

Въ началѣ 70-хъ годовъ, когда въ печати заговорили у насъ о необходимости учрежденія общаго Земскаго Собранія, начинаетъ давать себя чувствовать сильнѣе, чѣмъ когда либо, реакціонное направленіе подъ вліяніемъ принятыхъ въ Берлинѣ стѣснительныхъ мѣръ противъ печати германскимъ канцлеромъ Бисмаркомъ, задававшимъ тогда тонъ и въ русской политикѣ. Въ 1872 г. признано было необходимымъ изъять важнѣйшія дѣла печати изъ веденія суда и предоставить разрѣшеніе ихъ административнымъ усмотрѣніямъ. Затѣмъ издаются разныя новыя стѣснительныя мѣры для періодической печати. Налагается арестъ на второе изданіе сочиненій Писарева.

Но рядомъ съ этими мѣрами является усиленная пропаганда сочиненій Спенсера, такъ называемаго, англійскаго Гегеля; всѣ его сочиненія переведены были тогда-же на русскій языкъ. Альтруизмъ Спенсера—это высшій эгоизмъ. Началась пропаганда сочиненій выдающихся соціалистовъ Лассаля и Карла Маркса. Первый пропагандировалъ соціалистическія идеи, почерпнутыя у Прудона съ примѣсью его собственныхъ ученій, проникнутыхъ революціонными тенденціями. Идеалъ второго заключается въ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народною массою или экспропріація богатыхъ въ пользу бѣдныхъ. К. Марксъ, поклонникъ Бакунина, вывѣсилъ его знамя: „не нужно намъ религіи, религія помрачаетъ умъ; она опіумъ для народа". Въ 1872 году, согласно положенію комитета министровъ, опредѣлено было конфисковать и уничтожать 1-й томъ сочиненій Лассаля, изданный въ 1870 г.

Наконецъ, идетъ пропаганда атеистическихъ идей надменнаго и самоувѣреннаго Ренана, рѣшающаго самыя трудныя историческія проблеммы въ 2—3 строкахъ. Въ тоже время шла дѣятельная популяризація одностороннихъ и фальшивыхъ экономическихъ доктринъ, разстраивавшихъ наши финансы, раззорявшихъ наше сельское хозяйство и періодически порождавшихъ торговые и денежные кризисы. Публицистика старалась увѣрить всѣхъ, что эти превратныя экономическія ученія являются послѣднимъ словомъ науки, и все несогласное съ этимъ направленіемъ признавалось вздорною ересью.

Этотъ періодъ характеризуется также призывомъ къ хожденію въ народъ. Тогда-же объявлено редакціямъ Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы оскорбительныя статьи для личностей, находящихся на государственной службѣ, не были допускаемы въ печать. Явилась путаница понятій; духовныя силы и нравственныя обязанности затемняются. Наконецъ обнаружилась гнусная крамола.

Нельзя сказать, чтобы въ теченіе 15 лѣтъ, съ 1865 до 1880 гг., наблюдательная власть надъ печатью была ослаблена или бездѣйствовала. Достаточно сказать, что одна только безцензурная періодическая печать подвергалась самымъ энергическимъ административнымъ карамъ, выразившимся въ 162 предостереженіяхъ, сопровождавшихся 42 случаями пріостановленія и 6-ю—запрещенія разныхъ газетъ и журналовъ, не говоря уже о 80-ти случаяхъ запрещенія розничной продажи газетъ и о 2-хъ случаяхъ прекращенія печатанія частныхъ объявленій.

Наступившее крайнее реакціонное направленіе выразилось въ учрежденіи верховной распорядительной коммиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и въ изданіи въ реакціонномъ духѣ устава о цензурѣ и печати въ 1886 г., въ составъ котораго вошли всѣ суровыя стѣснительныя мѣры того времени противъ безцензурныхъ газетъ и журналовъ.

За два года передъ изданіемъ этого устава воспрещено было, по Высочайшему повелѣнію, допускать въ обращеніе въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ 125 отдѣльныхъ сочиненій и

переводовъ и 850 выпусковъ ежемѣсячныхъ журналовъ, а всего въ количествѣ 1.000 книжныхъ изданій, составляющихъ въ сложности около 3.000.000 экземпляровъ. Въ числѣ этихъ сочиненій оказались уже разрѣшенныя въ свое время цензурою слѣдующія: Прудона, Лассаля, К. Маркса, Спенсера, Милля, Луиса, Ог. Конта, Золя, Рошфора, Молешотта, Бюхнера, Луи Бланна и т. д., равно Добролюбова, Бибикова, де-Роберти, Михайлова, Писарева, Суворина, Шелгунова, Чернышевскаго и др.

Въ результатѣ оказалось, что мало по малу, шагъ за шагомъ политическая періодическая печать начала снова искусственно переходить въ руки двигателей нигилизма, благодаря фаворитизму нѣкоторыхъ лицъ въ администраціи. Тогда органы нигилизма набросились на популяризацію переводовъ модной нѣмецкой философіи пессимизма закоренѣлаго безбожника Шопенгауэра, недающаго ничего для сердца, кромѣ отчаянія. Ученіе его составляетъ открытое, не рѣдко доходящее до кощунства, безбожіе. Шопенгауэръ самъ себя, съ кокетливымъ самодовольствомъ, называетъ „антихристомъ“, а наши его апологеты въ „откровенной“ газетѣ провозглашали — „истиннымъ поработителемъ нашей эпохи“. Правила житейской мудрости Шопенгауэръ позаимствовалъ у іезуитовъ; онъ питаетъ фанатическую страсть къ буддизму. Ему нравилась китайская исторія, знающая множество революцій, которыя всѣ оканчивались низложеніемъ династій. Гейдельбергскій профессоръ Куно Фишеръ и новый членъ французской академіи Ганото—оба называютъ философію Шопенгауэра ведущею прямымъ

путемъ къ нигилизму. Цинизмъ его доктринъ будетъ совершенно понятенъ, если прибавить, что онъ мечталъ о гаремахъ для ученыхъ людей и о введеніи многоженства. Его философія является какимъ-то „мефистофельскимъ продуктомъ“ имѣющимъ цѣлью „одурачить публику“ и соблазнить „малыхъ сихъ“.

Послѣдній періодъ нынѣшняго столѣтія 90-хъ годовъ характеризуется вытѣсненіемъ матеріализма позитивизмомъ. Послѣдній не такъ грубъ, какъ первый. Рядомъ съ этимъ явилась дѣятельная популяризація философскихъ ламентацій гр. Л. Толстого, зараженнаго Шопенгауэрскимъ пессимизмомъ, анархическими идеями Руссо и позитивизмомъ О. Конта. Если присоединить къ нимъ врага современнаго строя жизни Прудона, то ими исчерпывается весь матеріалъ гр. Л. Толстого для созиданія его злой каррикатуры мірозданія. Тысячи образованныхъ людей позволяютъ вовлечь себя обманчивою риторикою Л. Толстого въ ретроградный кругозоръ мыслей, вылившихся въ своеобразную радикально-соціалистическую доктрину. Полныя противорѣчій его философскія лжеученія безповоротно загнѣздились у насъ въ сознаніи многихъ публицистовъ и литераторовъ. Его отравляющій жизнь пессимизмъ и отрицаніе современной цивилизаціи обращаются къ намъ съ своимъ роковымъ призывомъ: „*назадъ*“, и разслабляютъ свѣжія жизненныя силы нашего юношества. По истинѣ начали рѣдко нарождаться на Руси серьезные мыслители, умѣющіе произнести всемогущее слово: „*впередъ*“, но „не для прикрытія зла“. Искусственной діалектикою и худо-

жественностью пера Л. Толстой колеблетъ религію и мораль, тенденціозно искажая вѣру Евангельскую.

Вслѣдъ за симъ начинается усиленная популяризація соціалистическихъ утопій основателя „интернаціоналки“ Карла Маркса; а въ „откровенной“ газетѣ эта популяризація совершалась въ видѣ критики, чрезъ которую проглядываетъ междустрочная апологія его доктринъ. Ученія К. Маркса совершенно сходны съ программою германскихъ соціалъ-демократовъ и съ польскимъ катехизисомъ. „Интернаціоналка“, какъ извѣстно, впервые организовалась sub auspiciis польскаго дѣла въ Лондонѣ въ 1864 г.; между разною экономическою и соціалистическою дребеденью это интернаціональное общество выставило въ своей программѣ, какъ главную цѣль своего существованія, возстановленіе Польши и необходимость уничтожить (anéantir) русскій „абсолютизмъ“ и его вліяніе на Европу.

Рядомъ съ этимъ появилась нынѣ масса произведеній подпольной литературы иностраннаго происхожденія, трактующихъ объ отношеніяхъ фабрикантовъ-хозяевъ къ ихъ рабочимъ, въ цѣляхъ подстрекательства сихъ послѣднихъ къ стачкамъ и безпорядкамъ, въ добавокъ къ голодовкамъ, мору, поджогамъ, погромамъ, разбоямъ, грабежамъ и другимъ народнымъ бѣдствіямъ, которыя такъ безпримѣрно часто стали являться именно въ послѣднее время общей деморализаціи или *голода духовнаго, умственнаго и нравственнаго.* Кризисъ этотъ отзовется самыми печальными послѣдствіями, которыя оставятъ слѣды разрушенія въ народно-хозяйственной жизни не на одинъ, два или три года, а на цѣлыхъ десять, двадцать лѣтъ!

Но этого всего мало.

На модный философскій престолъ наша „откровенная“ самая распространенная столичная большая газета и одинъ новый журналъ иностранной литературы, благодаря тому, что эти органы пользуются наибольшимъ просторомъ для популяризаціи всяческихъ лжеученій, ставятъ нынѣ Фридриха Ницше, дошедшаго, по словамъ извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Люд. Штейна (автора критико-біографическаго очерка его философіи), до своего рода „мефистофелизма“, до „дьявольскихъ мыслей“ и до размышленій „оригинально скотскихъ“. Самъ Ницше называетъ себя „имморалистомъ и антихристомъ“, а принципы свои родственными принципамъ Макіевелли. Его чудовищный радикализмъ лучше всего виденъ въ отвѣтѣ на вопросъ: что такое жизнь? Ницше говоритъ: „сущность жизни составляютъ: присвоенія, нарушенія, покореніе себѣ чужаго и болѣе слабаго, притѣсненія, суровость, установленіе собственныхъ формъ присоединенія къ себѣ и, по крайней лучшей мѣрѣ, грабежъ“ *). Это у Ницше не бѣглыя мысли, а цѣлая теорія. Христіанскую религію онъ называетъ „метафизикой палача“. Онъ стремится замѣнить этическіе идеалы возвращеніемъ къ естественному состоянію, такъ какъ онъ заявляетъ себя послѣдователемъ того ученія, что наслажденія, преимущественно тѣлесныя, составляютъ высшее благо. Его страстное желаніе всѣми силами унизить значеніе брака. Ницше самый крайній циникъ, какого только произвела на свѣтъ

*) Ср. „Міръ Божій“ кн. за Сентябрь, Октябрь и Ноябрь 1898 г.

всемірная литература. Онъ въ качествѣ ученика Шопенгауэра самымъ безнравственнымъ образомъ въ написанныхъ имъ афоризмахъ издѣвается надъ „Богомъ и міромъ". Среди безчисленнаго множества мерзкихъ сужденій встрѣчается и симпатія Ницше къ непобѣдимому ордену „ассасиновъ" (т. е. убійцъ), этому ордену „свободомыслящихъ". Основное положеніе этого ордена убійцъ: „*нѣтъ ничего истиннаго, все позволительно*", которое Ницше прославляетъ, какъ совершенное проявленіе „свободы духа".

Опасность популяризаціи циническихъ произведеній Шопенгауэра и Ницше и tutti quanti заключается въ свойственномъ имъ стилистическомъ искусствѣ, въ подкупающей читателя силѣ ихъ рѣчи, въ афористической формѣ, въ которой мысль никогда не выражается вполнѣ точно, а набрасывается лишь бѣгло въ видѣ силуэта. Сужденія свои Ницше выражаетъ въ формѣ афоризмовъ такъ категорически, съ такою поразительною самоувѣренностію и отрицающею самыя элементарныя правила приличія, что читатель нашей безпокойной и возбужденной эпохи сразу робѣетъ и теряетъ свободу собственной критики. Афоризмъ ведетъ къ поверхностному сужденію и самомнѣнію. И опасность эта далеко не малая, такъ какъ афоризмы Ницше, подобно афоризмамъ Шопенгауэра, судя по всѣмъ признакамъ, скоро привьются вездѣ—въ редакціяхъ газетъ, въ департаментахъ и канцеляріяхъ, университетахъ, во всѣхъ гостиныхъ, будуарахъ, въ офицерскихъ собраніяхъ и въ школахъ, такъ какъ они печатаются въ газетѣ и журналѣ, искусственно получившихъ у насъ наибольшее распро-

страненіе. Большинство читающей публики навѣрное главное свое вниманіе обращаетъ на цинизмъ въ философскомъ текстѣ, и мало по малу подъ знаменами Ницше соберется форменная армія анархистовъ. Идеи Ницше опасными могутъ стать для массы полуобразованныхъ и мало образованныхъ людей, но иногда онѣ могутъ представлять опасность и для вполнѣ образованныхъ, если послѣднимъ чужда техника спеціальнаго философскаго образованія. Но разбойничій девизъ Ницше: „*нѣтъ ничего истиннаго, все позволительно*“ какъ разъ на руку той части интеллигенціи, которая пресыщена жизнію до сумасбродства, до безумія опьянена утонченными пороками и потеряла по этому вѣру въ Бога, нравственность, въ культуру и въ самое себя.

И это еще не все.

Систематическія мѣры репрессіи въ печати, въ теченіе послѣдняго полустолѣтія, даже если онѣ стояли иногда на высотѣ своего положенія, создали двоязычныхъ публицистовъ и литераторовъ, у которыхъ перо о двухъ концахъ—одного для цензора, а другаго для публики. Благодаря распространенію самыхъ разнообразныхъ мѣръ репрессіи, часто огульно, на дурную и хорошую печать, начала быстро развиваться потаенная литература, подметные листки и подпольная журналистика; мало того, авторы даже серьезныхъ сочиненій прибѣгаютъ къ заграничнымъ типографіямъ. Вообще, суровыя мѣры репрессіи затрудняли общественное образованіе, тормозили народное благосостояніе и причиняли серьезный ущербъ духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ общества,

такъ какъ многія эти стѣснительныя мѣры отражались не только на вредной, отрицательной силѣ печати, но и прямо или косвенно на разумной, честной и положительной ея силѣ.

Благодаря этимъ одностороннимъ мѣрамъ и порождающему ими фаворитизму, взяли верхъ въ повседневной періодической печати надъ изящной литературой, способствующей смягченію нравовъ и благородству вкуса, — порнографія и апологія разгула страстей грубыхъ и неопрятныхъ, а религіозныя истины, возвышающія душу и внушающія достойныя чувства, загнаны куда-то на задній дворъ и замѣнены систематической демократизаціею враждебныхъ христіанству доктринъ. Кромѣ того, журналы, газеты, книжные магазины, лавки и лари переполнены у насъ безнравственными романами и большею частію произведеніями парижской порнографической словесности, родившейся тамъ въ передней и дальше улицы не доходившей. Такимъ образомъ, у насъ на одно сочиненіе полезнаго содержанія является цѣлая сотня вреднаго, — а одинъ на сто—борьба совсѣмъ не равная!

И это еще не конецъ.

Вотъ что утверждаютъ „Московскія Вѣдомости“. отъ 20 сентября с. г. (№ 259) въ передовой статьѣ объ источникѣ „злой воли“, порождающей преступную „*въ настоящее время*“ настроенность, перешедшую „съ почвы либеральной на почву соціалистическую“.

„Соціалистическое ученіе, — *и у насъ* уже проповѣдуемое повсюду *на столбцахъ газетъ, въ книгахъ, претендующихъ на серьезность, въ популярныхъ бро-*

шюрахъ и даже съ каѳедры, все сводится къ *полнѣйшему* отрицанію существующаго человѣческаго общества и государства... Соціализмъ объявляетъ, будто-бы всѣ рабочіе въ *нашемъ* обществѣ—жертвы воровства и грабежа, а всѣ организаторы *нашихъ* экономическихъ учрежденій—воры и грабители. Соціалистическое ученіе объявляетъ, будто-бы *существующее правительство* не болѣе, какъ организація необходимая для поддержанія этого систематическаго грабежа. Религіозныя учрежденія объявляются орудіями обмана въ тѣхъ-же своекорыстныхъ цѣляхъ. Весь существующій строй, съ безсовѣстнымъ клеветничествомъ, объявляется безнравственной организаціей обмана и грабежа. Конечно, проповѣдники соціализма, *нынѣ по большей части имѣющіе прекрасную карьеру*, сами не пойдутъ на преступленіе. Общество и государство, по ихъ словамъ, никуда не годятся, но самимъ этимъ людямъ *живется очень сытно и хорошо*. Они получаютъ отъ общества, *а иной разъ и отъ государства*, слишкомъ много, чтобы рисковать. Но тѣ, кто слушаетъ проповѣдь соціалистовъ, тѣ, которые часто еще ничего не имѣютъ, во многомъ нуждаются и ничего не могутъ потерять,—они понятно ни предъ чѣмъ не остановятся и дѣйствительно не останавливаются. Одинъ, смотришь, совершаетъ грабежъ „экспропріируетъ эксплоататора", другой бросаетъ бомбу, третій пырнетъ кинжаломъ... Вожаки и учители „научнаго соціализма", *которымъ прекрасно живется въ современномъ обществѣ*, каждый разъ немедленно отрекаются отъ преступнаго — безумца. Но въ дѣйствительности *кто-же его создалъ, какъ не они*? Таково современ-

ное положеніе, столь сильно напоминающее *мрачное прошлое либерально-террористической эпохи*".

И такъ шайка утонченныхъ соціалистовъ проникла у насъ всюду, заняла выгодныя позиціи въ печати и укрѣпилась, располагая при этомъ громадными денежными средствами. Эта шайка зазнавшихся публицистовъ, называющая себя „соціалистическою партіею", задалась давно уже задачею стать въ столицѣ Русской Имперіи политическою и общественною силою, имѣющую связи съ безпокойными элементами парижской и лондонской прессы; эта сила такова, что съ нею теперь приходится считаться не только частнымъ лицамъ и учрежденіямъ, но и высшимъ представителямъ государственной власти, Не пора-ли, однако, припомнить въ интересахъ тѣхъ и другихъ слова автора „Политика какъ наука"—знаменитаго Блунчли, что всякое торжество іезуитовъ (или выродковъ ихъ, каковы: нигилисты и соціалисты) есть пораженіе для человѣческой цивилизаціи и задержки культуры, и чѣмъ болѣе они становятся, благодаря фаворитизму со стороны той или другой власти, могущественнѣе, тѣмъ болѣе народъ будетъ бѣднѣть и глупѣть, а государство должно рано или поздно итти къ упадку?

Въ самомъ дѣлѣ, у всѣхъ на глазахъ образовавшаяся у насъ противуобщественная партія, благодаря поддержкѣ разныхъ канцелярій, зараженныхъ западно-европейскими утопическими ученіями, получившая въ теченіе послѣдняго полустолѣтія широкое право распространять лжеученія порочнаго матеріализма или

революціоннаго соціализма подъ видомъ философскихъ научныхъ изслѣдованій. Разъ эта партія захватила въ свои руки самые вліятельные органы политической современной печати, побѣда ея надъ легкомысленными умами въ Россіи была обезпечена, такъ: въ 50-хъ годахъ нигилизмъ развивается въ семьѣ, въ 60-хъ годахъ — въ школѣ, въ 70-хъ годахъ — въ народѣ, въ 80-хъ — водворяется въ администраціи или насаждается *политическій нигилизмъ*, давшій широкій просторъ своеволію, выразившемуся въ террорѣ и крамолѣ. Въ 90-хъ годахъ обнаружилось развитіе *религіознаго нигилизма*, который даетъ посылки для анархическихъ заключеній. Когда религію сдѣлали политическимъ орудіемъ, то, какъ это случилось теперь во Франціи, породили упадокъ самой религіи—этой свободнѣйшей изъ всѣхъ стихій человѣческой жизни, вызвавъ ожесточенную борьбу противъ самой религіи. Упадокъ религіознаго идеала отражается на неуваженіи къ обществу, его правамъ, его внутренней жизни. Но вообще всякое христіанское общество, переставъ быть христіанскимъ, осуждается на безвыходную анархію и революцію.

Ясно, что въ дѣлѣ организаціи у насъ политической періодической печати, соотвѣтствующей великому государству и дѣйствительнымъ, а не мнимымъ, общественнымъ потребностямъ и интересамъ, мы сбились съ дороги и по прежнему топчемся въ какомъ то лабиринтѣ всяческихъ хитросплетеній, что мы не настоящее дѣло дѣлаемъ, а все что-то усердно плетемъ и путаемъ, да все какъ-то мимо, все не впопадъ, что есть какая-то органическая фальшь въ развитіи у

насъ хорошей политической періодической печати, которая-бы не осуждала на безсиліе исполинскія силы нашего организма, такъ какъ во всѣхъ государствахъ новаго и стараго свѣта большія политическія газеты, отличающіяся мыслительною солидностію, являются лучшимъ подспорьемъ для развитія умственныхъ, нравственныхъ и экономическихъ производительныхъ силъ. Нельзя-же довольствоваться уподобленіемъ Россіи *сфинксу*, предлагающему неразрѣшимыя загадки; нельзя-же постоянно ссылаться на безвыходность тѣхъ путей, которыми мы до сихъ поръ брели, создавъ изъ двигателей нигилизма и порочнаго соціализма руководителей общественнымъ мнѣніемъ, а изъ ихъ газеты милліонное предпріятіе, которому конкурренція является возможною развѣ только при участіи королей биржи, не имѣющихъ, однако, ни малѣйшаго представленія о такихъ своеобразныхъ концессіяхъ и гешефтахъ литературнаго характера. Нельзя-же при этомъ всѣ книжные магазины на станціи главныхъ линій *казенныхъ* желѣзныхъ дорогъ передавать въ руки публициста, заставляя милліоны проѣзжающихъ пассажировъ, не взирая на ихъ протесты, читать преимущественно его газету и избранныя имъ произведенія книжной литературы. Нельзя, казалось-бы, допускать и учрежденіе публицистами частныхъ театровъ для образованія изъ нихъ школъ безстыдства, цинизма, шантажа и политическаго шарлатанства, поддержанныхъ шумомъ и гамомъ газетной рекламы.

Нигилисты и соціалисты въ былое время добивались повсюду обогащающихъ ихъ условій изданія руководящихъ органовъ политической печати и при

томъ совершенно спеціальнымъ путемъ, руководясь указаніями нигилистическаго катехизиса, въ §§ 14 и 19 котораго сказано: „Революціонеръ долженъ проникать всюду... *въ міръ бюрократическій, въ литературу*, въ III отдѣленіе, и даже въ Зимній Дворецъ". „*Съ государственными честолюбцами и либералами* можно конспирировать по ихъ программамъ, *дѣлая видъ, что слѣпо слѣдуемъ за ними,* а между тѣмъ прибрать ихъ въ руки, овладѣть ихъ тайниками, *скомпрометировать ихъ до нельзя,* такъ чтобы возвратъ для нихъ былъ не возможенъ и ихъ *руками мутить государство*".

Это было большое зло!

Нѣтъ никакой надобности формулировать въ общемъ и въ деталяхъ способы устраненія всяческаго искуственно созданнаго зла въ печати. Важно сознаніе этого зла и причинъ, его породившихъ; а разъ сознаны дѣйствительныя причины зла и ясны ихъ послѣдствія, то найдутся и способы къ ихъ устраненію. Въ настоящемъ случаѣ нужны не только *мѣры*, но и *люди*. Мѣры—значитъ данныя мысли вылить въ извѣстную форму; но вопросъ въ томъ, кто будетъ приводитъ эти мѣры въ исполненіе? Учрежденіе, которое могло-бы твердо и послѣдовательно искоренить причины господствующаго зла въ печати, у насъ есть—это Главное Управленіе по дѣламъ печати. Но оно безсильно было выполнять всесторонне свое назначеніе, пока всѣ вѣдомства не будутъ оказывать ему дѣятельное, а главное *единодушное* содѣйствіе, снабжая его соотвѣтственными средствами на предметъ увеличенія личнаго состава цензурныхъ учрежденій

въ Россіи, а также въ цѣляхъ воздѣйствія не одними мѣрами отрицательнаго, но и положительнаго характера, помогая ему въ дѣлѣ созданія серьезныхъ органовъ политической періодической печати, какъ противовѣсъ господству растлѣвающей и разрушительной публичной мысли.

Могутъ-ли при здоровомъ организмѣ возникать разногласія между головою и руками или ногами? Не должна-ли наблюдательная властъ надъ цензурою и печатью быть продолженіемъ центральнаго правительства въ составѣ всѣхъ вѣдомствъ и его системы управленія государствомъ? Не обязано-ли центральное правительство блюсти, чтобы эта наблюдательная власть надъ печатью состояла-бы его главнымъ органомъ и дѣйствовала-бы подъ его рукою и съ нимъ за одно? Не обязанъ-ли частный интересъ даннаго органа печати безпрекословно подчиняться, помимо всякаго разсчета на фаворитизмъ кого-бы то ни было, высшему, общему, которое правительство должно блюсти прежде всего? Не обязано-ли правительство ограждать общество отъ обмановъ и насилій со стороны печати, не только грубыхъ, но и тонкихъ, иногда болѣе зловредныхъ, чѣмъ грубые? Не должно-ли, наконецъ, правительство руководить общественнымъ мнѣніемъ и такая его роль въ дѣлѣ печати не будетъ-ли сходна съ тою, которую оно занимаетъ, уравновѣшивая интересы различныхъ мѣстностей и направляя къ одной благой цѣли стремленія самыхъ разнообразныхъ общественныхъ и частныхъ интересовъ?

Существуютъ функціи общественной жизни, которыя являются существенными атрибутами центральной

государственной власти *въ совокупности всѣхъ вѣдомствъ*, если не хотятъ, чтобы онѣ приняли ненормальное или одностороннее развитіе, это тѣ функціи, которыя касаются всеобщаго интереса или благополучія. Тамъ, гдѣ замѣшанъ общій интересъ и общее благо, тамъ требуется *гарантія* и *порядокъ*; тамъ, гдѣ являются препятствія для правильнаго развитія индивидуальной дѣятельности въ общественныхъ интересахъ, тамъ необходимо *устраненіе этихъ препятствій*; но въ этомъ и другомъ случаѣ требуется *помощь и положительное содѣйствіе органовъ центральнаго правительства*, которое одно можетъ снабдить ихъ своею высшею силою, благопріятствуя и общественному и частному интересу, доставляя имъ кромѣ того содѣйствіе постороннихъ элементовъ.

Для распространенія здравой, правдивой и плодотворной публичной мысли и упроченія ея верховная иниціатива должна принадлежать центральному правительству. Оно можетъ дать соотвѣтственную организацію, которая не парализовала-бы и не ослаблялабы *свободу выраженія серьезнаго, разумнаго и честнаго мнѣнія*, но наоборотъ, утверждала и укрѣпляла-бы его всѣми зависящими отъ него способами. Подъ такою централизаціею слѣдуетъ разумѣть притокъ живыхъ силъ, отличающихся мыслительною солидностью. А великое государство не можетъ совершать свою непрерывную дѣятельность къ улучшенію своего государственнаго и народнаго быта, безъ пріобщенія самаго общества къ государственному дѣлу; но для несомнѣннаго успѣха этой дѣятельности необходима неутомимая работа *солидной, трезвой и правдивой*

общественной мысли, въ противуположность легкомысленной и завѣдомо ложной. Такимъ образомъ, пробудится общественное самосознаніе, оказывая благодатное вліяніе на нравственное, умственное и экономическое обновленіе русскаго общества.

Такое вмѣшательство центральной государственной власти въ дѣло печати несомнѣнно столь-же естественно, сколько благодѣтельно, такъ какъ она является центромъ, призваннымъ производить силу не отталкивающую, а привлекающую къ этому центру, разливающему спасительные лучи. Такое вмѣшательство будетъ естественнымъ и нормальнымъ въ противуположность нынѣшнему, только искусственному и одностороннему, такъ какъ послѣднее, вмѣсто того, чтобы быть положительнымъ, является только отрицательнымъ, вмѣсто того, чтобы быть общимъ и организующимъ, является ограниченнымъ и разстроивающимъ. Такое органическое покровительство будетъ представлять выгоды для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ и ни малѣйшаго ущерба кому бы то ни было. Оно, конечно, будетъ очень отличаться отъ нынѣшняго односторонняго покровительства запретительнаго и охранительнаго. Въ самомъ дѣлѣ: одно развиваетъ и просвѣщаетъ, другое подавляетъ и угнетаетъ; одно возбуждаетъ ко всему доброму, честному, вѣчному, а другое притупляетъ; одно приводитъ въ соотвѣтствіе всѣ интересы, другое ведетъ ихъ къ столкновеніямъ. Между тѣмъ, всегда имѣютъ обыкновеніе настаивать именно на этомъ отрицательномъ, подавляющемъ и притупляющемъ покровительствѣ.

Какое ослѣпленіе!

Очевидно, что роль общественнаго руководителя идетъ центральному правительству лучше, чѣмъ придирчивой полиціи въ образѣ цензуры. Близится время, когда убѣдятся, что у послѣдней отсутствуетъ собственная цѣль при столкновеніяхъ съ интересами печати, тогда какъ первая достигнетъ цѣли, когда успѣетъ согласить эти интересы, покровительствуя здравой и честной публичной мысли. Правда, всегда легче и скорѣе запрещать и карать, чѣмъ вступаться и помогать. Только центральная власть въ состояніи уравновѣшивать государственные интересы настоящаго и будущаго, а печать есть также могущественная власть, потому что она есть власть настоящаго надъ будущимъ.

Существо политическаго органа періодической печати, который имѣлъ-бы право на *совершенно свободное выраженіе трезвой и правдивой общественной мысли*, состоитъ не въ порицаніи или одобреніи дѣйствій тѣхъ или другихъ лицъ и учрежденій, *а въ общемъ направленіи*, согласномъ съ русскимъ государственнымъ ученіемъ, на основаніи котораго произносится хвала и порицаніе. Большого значенія не могутъ имѣть указанія на частные недостатки и возгласы противъ очевидныхъ злоупотребленій, важны *идеи*, которыми направляютъ общество, исходя изъ глубокаго уваженія въ вѣрѣ и церкви, изъ служенія началамъ правды и добра и изъ справедливыхъ отношеній людей другъ къ другу. Такія руководящія идеи, свободно и широко распространяемыя, заслуживаютъ органическаго покровительства, такъ что всякое препятствіе, поставляемое такому органу гласности, съ какой-

бы то ни было стороны, должно подлежать строгому взысканію.

Иное дѣло, требованіе той свободы печати, которой домогались и нынѣ домогаются наши ложные либералы и радикалы, а именно свободы слова для популяризаціи всяческихъ лжеученій, иначе говоря, „для прикрытія зла". Это требованіе—революціонное! Смыслъ его таковъ: „пусть распространяется всякая ложь и всякій ядъ—и это послужитъ къ распространенію истины, которая несомнѣнно одержитъ побѣду надъ ложью". Но вѣдь въ развращенныхъ слояхъ общества, уже вкусившаго этого яда въ распутной прессѣ, не истина, а *ложь* привлекаетъ къ себѣ вниманіе, какъ это, до очевидности ясно, доказываетъ наша самая большая и распространенная столичная газета, печатающая *почти ежедневно* опроверженія ложныхъ извѣстій, ею сообщаемыхъ; распространеніе этой систематической лжи даетъ ей, сравнительно съ другими органами печати, наибольшее число подписчиковъ и количество публикацій. Слѣдовательно *деньги*, поступающія за то и другое, доходящія въ сложности до милліона рублей въ годъ,—вотъ что покупаетъ вредную тенденцію данной газеты, обогащая пролазовъ и интригановъ. Въ настоящемъ случаѣ мыслимо въ общественныхъ интересахъ покровительство развѣ только въ отрицательномъ смыслѣ, т. е. „*руки прочь*"!

На этомъ конецъ, однако, дѣйствующіе законы о печати отвѣчаютъ вполнѣ своему назначенію. Но *духъ* отлетѣлъ отъ законовъ о печати, отъ 6-го Апрѣля 1865 г., и осталась *одна* буква. Таковъ результатъ практическаго ихъ примѣненія вплоть до нынѣшняго

режима, дѣйствующаго едва 2—3 года. Личныя усмотрѣнія замѣняли законы, благодаря тому, что бумажный мертвящій формализмъ привился къ такому дѣлу, какъ наблюдательная власть надъ печатью, гдѣ, казалось, онъ не имѣлъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ благопріятствующихъ ему традицій. Изъ такихъ бюрократическихъ тенденцій сдѣланъ былъ своего рода идолъ, который, по выраженію 134 пс., *имѣетъ глаза, но не видитъ, уши—и не слышитъ, не понимаетъ, ротъ—и не говоритъ.*

Уставъ о цензурѣ возлагаетъ на нее обязанность дѣйствовать не только „*по словамъ*“ (ст. 21), но и „*по разуму*“ закона, обращая вниманіе „*на духъ и направленіе*“ произведеній печати (ст. 22); она не должна „*увлекаться никакими личными видами, пристрастіемъ или предубѣжденіемъ, не взирая на лица, и не потворствуя злоупотребленіямъ, кѣмъ-бы оныя замышляемы не были*“ (ст. 24); на ней лежитъ обязанность „*охранять народную нравственность*“, не допускать „*умозрѣній противныхъ истиной вѣрѣ*“ и статей, „*излагающихъ вредныя ученія соціализма*“ (ст. 23—25).

Но всякій законъ будетъ оставаться болѣе или менѣе мертвою буквою, если окажется малочисленнымъ личный составъ его исполнителей; а таково именно положеніе нашей цензуры. Въ силу этого, подъ неотразимымъ вліяніемъ политической періодической печати, русское образованное общество раздѣлилось на два лагеря съ двумя противуположными борящимися между собою міровоззрѣніями.

Одна сторона живетъ во имя великихъ началъ, составляющихъ сущность Христова ученія. Она, не считая, конечно, русскаго простаго народа, немногочисленна, благодаря тому, что ея органы печати, хотя и отличаются свѣтлыми идеями о нравственномъ значеніи религіи, но въ то-же время въ нихъ, къ сожалѣнію, преобладаетъ формальное направленіе по вопросамъ, до религіозной жизни относящимся, и внѣшнеобрядное почитаніе христіанства, ослабляющія стремленіе къ пониманію духа или внутренняго значенія вѣры.

Другой лагерь составляетъ масса общества, отличающаяся въ своей нравственной жизни забвеніемъ религіи и предпочтеніемъ утилитарно-реалистической морали, въ практической-же жизни—погруженная въ чувственность; она обнаруживаетъ бездушное направленіе, порождающее враждебное религіи умственное броженіе. На этой сторонѣ органы политической періодической печати, считающіе себя призванными творить судъ надъ церковью, правительствомъ и обществомъ, порождая общую деморализацію въ странѣ.

Освящая страсти во всѣй ихъ необузданности, эта отрицательная сила печати утратила ясное представленіе о своихъ правахъ и обязанностяхъ; распространяя злонамѣренныя философскія системы и идеи дерзкихъ безбожниковъ, она обнаруживаетъ болѣзненныя и ретроградныя тенденціи. Это не либерализмъ и не консерватизмъ—это *движеніе назадъ*. Все, что укрѣпляетъ организмъ и облегчаетъ вращеніе въ немъ здоровыхъ соковъ, то составляетъ движеніе *впередъ*,

а все, что разслабляетъ его, порождая худосочіе и размноженіе паразитовъ — то является движеніемъ *вспять*.

Выборъ не труденъ: *движеніе впередъ* — значитъ подвизаться единодушно за вѣру Евангельскую и не страшиться ни въ чемъ противниковъ; это для нихъ предзнаменованіе погибели, а для насъ спасеніе. *И это,* по словамъ апостола, — *отъ Бога!* Тѣ, кто не отъ Бога, а отъ лукаваго—у тѣхъ прогрессъ не впереди, а назади; они, во имя надежды сдѣлаться, „какъ боги", творятъ страшныя дѣла, вопіющія злодѣянія. Ихъ извращенная воля и помутившійся духъ требуютъ для себя полной свободы слова и дѣйствія, полнаго развитія своей индивидуальности и обожествленія себя и своей силы, не признавая внѣ себя никакихъ иныхъ интересовъ, кромѣ удовлетворенія своего „я". Ихъ тѣсный кругъ частныхъ идеаловъ оттѣсняетъ на задній планъ религіозные, государственные и національные идеалы. Во имя культа личности, возведеннаго ими въ высшій идеалъ, оправдываются и всѣ ихъ стремленія, какъ-бы противуестественны и незаконны они ни были. Проникнувъ въ литературу, въ науку, въ художество, ихъ искусственная мораль нарушаетъ гармонію отношеній личности къ обществу, уничтожаетъ культурное вліяніе историческихъ традицій, какъ воспитательной силы, ведетъ борьбу съ христіанствомъ, подчиняющимъ всѣ личные интересы служенію людямъ; ихъ искусственная мораль возводитъ въ принципъ презрѣніе къ нравственнымъ обязанностямъ человѣка, безпрепятственно попираетъ всѣ

человѣческія установленія и вдохновляетъ современныхъ героевъ кинжала и динамита.

Между тѣмъ, нѣтъ ничего столь всеобъемлющаго въ государственной и общественной жизни, ничего столь близко касающагося всяческихъ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ націи, ничего нѣтъ столь благопріятствующаго ихъ развитію съ одной стороны и поддающагося разнымъ злоупотребленіямъ—съ другой, словомъ, изъ всѣхъ элементовъ общественнаго поступательнаго движенія нѣтъ ни одного, который требовалъ-бы наибольшей *гарантіи* отъ разныхъ опасныхъ случайностей, какъ элементъ политической печати, въ особенности періодической, обладающей нравственнымъ господствомъ надъ милліонами людей. Но этой гарантіи не давали ни законы, ни практика въ теченіе цѣлаго столѣтія, не взирая на благія въ этомъ отношеніи начинанія правительства.

По всѣмъ симъ основаніямъ является безусловно необходимымъ *поднять значеніе Главнаго Управленія по дѣламъ печати* на степень самостоятельнаго высшаго государственнаго установленія, входящаго въ непосредственныя отношенія къ другимъ вѣдомствамъ, подобно нѣкоторымъ инымъ главнымъ управленіямъ,—въ цѣляхъ, между прочимъ, не только *возстановленія*, но и *упроченія* значенія серьезной и честной политической періодической печати, которая необходима для популяризаціи *здравыхъ политическихъ понятій и христіанскихъ началъ общественной и личной нравственности*. Отсутствіемъ этихъ началъ мы обязаны въ значительной степени тому, что политическая періодическая печать изъ плодотворной силы,

служащей высшимъ цѣлямъ организованнаго государства и общества, превратилась у насъ, подобно революціонной парижской прессѣ, въ спекулятивную, отрицательную силу, вносящую нравственное разложеніе, распространяющую ложь и клевету и отвращающую глаза отъ истины. Пора дать опомниться русскому обществу отъ искусственно навѣяннаго на него кошмара, такъ какъ деморализація въ жизни происходитъ отъ вліянія *идей*, всегда могущественныхъ, которыя распространяются въ легкой литературной формѣ и создаются писателями, воспитанными въ газетной лабораторіи праздномыслія, фразерства, и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія авантюристовъ соціализма.

Книжная лавка писателей
Цена 1-50
№ 3600
X 1970
Л
НЛ-2
Цена 2 р.

Цѣна 30 коп.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 18 Ноября 1898 г.
Паровая Типо-литографія М. Розеноеръ, Литейный, 43.